

18+

Макс Хайдельберг

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

СИНДРОМ ТВОРЦА

Макс Хайдельберг

**По образу и подобию.
Синдром творца**

«Издательские решения»

Хайдельберг М.

По образу и подобию. Синдром творца / М. Хайдельберг —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-680931-4

Я Джейкоб Касс — и я верификатор памяти. Это моя профессия. В мире, где прошлое можно подделать, а личность — купить, моя работа — находить крупницы истины в океане лжи. Новое дело начинается с визита странной клиентки, с необычной просьбой: помочь ей найти отца, гениального биоинженера, бесследно исчезнувшего из своей закрытой лаборатории. Дело быстро оборачивается смертельно опасным погружением в мир секретов, подпольных клиник и тщательно скрываемой правды, не сулящих ничего хорошего.

ISBN 978-5-00-680931-4

© Хайдельберг М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 0: Пролог	6
Глава 1: Заказ	9
Глава 2: Работа принята	14
Глава 3: Первый след	17
Глава 4: Тихая пристань	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

По образу и подобию Синдром творца

Макс Хайдельберг

© Макс Хайдельберг, 2025

ISBN 978-5-0068-0931-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 0: Пролог

Ночь на девятом уровне являла собой не просто отсутствие света. Тьма здесь была осязаемой – тяжелой, вязкой, как влажный воздух, пропитанной едкими химикатами и ржавчиной. И среди этого смрада витал один тонкий, почти неуловимый запах – яркая нота отчаяния. Проливной дождь дробил мрак на тысячи частей, смывая верхние слои грязи с проржавевших насквозь поверхностей, лишь углубляя ощущение безнадежности.

Из густой мглы, словно тень, вырванная из самой ночи, выступила фигура. Человек в поношенном плаще, пропитанном влагой и годами скитаний, двигался по скользкому асфальту бесшумно и уверенно. Для него эта земля не была чужой и враждебной. Здесь был его приход, его территория, его место покаяния.

Он прошел мимо нагромождения опрокинутых контейнеров, чьи внутренности зияли ржавой пустотой – безмолвных свидетелей эпохи, выброшенных на свалку индустриального чистилища. Незнакомец не торопился, зная, что его уже ждут и чувствуют его приближение. Наконец он остановился перед одним из уцелевших контейнеров, и воздух вокруг застыл, наполненный предвкушением и тяжестью неизбежного. В этот момент начали появляться они.

Из темных проемов пустых грузовых контейнеров, словно кошмары, обретшие плоть, появились существа. Их было шестеро. Их тела, изломанные какой-то чудовищной силой, представляли собой жуткое подобие человеческих форм. Их кожа была серой, как намокший бетон. Мышцы бугрились под ней тугими болезненными желваками, а суставы изгибались под неестественными углами. Но настоящий ужас таился даже не в физическом уродстве, а в глазах этих существ.

Их глаза горели ровным ярко-синим светом, неземным, пугающим, завораживающим. Страшнее всего было то, что их взгляд казался совершенно осмысленным, человеческим и в нем читались ужас, боль и безмолвная мольба о помощи. Это служило единственным доказательством того, что внутри этих истерзанных оболочек все еще тлеет сознание, пойманное в ловушку бесконечной агонии.

Глядя на них, незнакомец почувствовал, как его душу вновь наполняют отчаяние и бессилие, смешивающиеся с металлическим привкусом вины.

Он был их Пастырем – единственной надеждой в мире, где давно разучились надеяться. Он чувствовал боль этих существ, которая, словно зеркало, показывала ему лишь собственную неспособность изменить их судьбу. Синий огонь, горящий в их глазах, был его личным адом, отражением тяжелых терзаний из-за того, что пытался помочь, но не мог предложить большего. Он знал, что они не виноваты. Они стали жертвами – жертвами чужих, безумных амбиций и научного высокомерия. С губ едва не сорвались слова утешения, но он проглотил их. Пустые звуки в этом царстве агонии ничего не значили. Он глубоко вздохнул, собираясь с силами.

– Пора, – тихо произнес Пастырь, его голос, сухой и хриплый, был едва различим в непрекращающемся шуме дождя. – Идите за мной.

Мужчина двинулся к контейнеру. Приложив электронную чип-карту к замку, он потянул на себя ручку двери. Массивная металлическая дверь, изъеденная застарелой ржавчиной, поддалась с протяжным скрежетом, похожим на стон умирающего металла, который эхом разнесся по пустому пространству. Внутри царил хаос – везде валялись пустые, мятые коробки и куски упаковочного полимера. Но Пастырь видел в этом нечто большее. Каждая смятая упаковка означала прошедшие дни и недели, когда боль отступала, а синий огонь в глазах существ временно угасал. Он прошел вглубь, к единственному уцелевшему ящику, скрытому под слоем плотной брезентовой ткани.

Внутри коробки на мягком ложе из синтетического волокна лежала дюжина белоснежных, идеально гладких лепестков, похожих на нераспустившиеся бутоны белой лилии. В этом

царстве тишины и забвения они выглядели столь же неуместно и чужеродно, как россыпь жемчужин в сточной канаве.

Аккуратно, почти с благоговением, он взял один из лепестков, и, внимательно глядя на него, о чем-то задумался. Прохладный невесомый лепесток, покоящийся на ладони, походил на обещание чуда. Пастырь знал, что держит в руке чью-то жизнь. Изуродованную, но все еще жизнь. Это было его бременем, его вечной обязанностью.

Взяв еще пять таких же лепестков, он с тяжелым сердцем вышел к своей пастве. Существа замерли, их горящие синим глаза впились в маленькие белые предметы в руках Пастыря. Во взглядах читалась нетерпеливая, почти хищная надежда, смешанная с глубоким страданием.

Он вскрыл капсулу, и ярко-синяя капля геля вспыхнула внутри, как холодная звезда, и запульсировала, будто живое существо.

Пастырь извлек одноразовый инжектор, вобрал в него весь гель и с хирургической точностью, выработанной годами, ввел драгоценную жидкость первому, самому крупному из существ.

Эффект был подобен тишине, наступившей после оглушительного крика. Чудовищное напряжение в мышцах спало, судороги прекратились, и яростный свет в глазах существа начал тускнеть, сменяясь глубоким, почти спокойным ультрамарином. На мгновение его взгляд стал живым, освобожденным от вечной агонии. Боль ушла. На время.

– Держись, – тихо произнес Пастырь, встречая взгляд, полный покорности и невыразимой благодарности.

Он повторил ритуал с остальными, методично вводя лекарство одному существу за другим. Когда последняя капля попала в кровь, его паства обрела покой. Истерзанные тела ослабились, тяжесть агонии покинула мышцы. Они смотрели на своего Пастыря, и в их взглядах отражалось все: понимание, прощение, безмолвное прощание с этим миром. Он выдержал эти взгляды.

Первое существо развернулось и исчезло в темноте, за ним последовали остальные. Так же бесшумно, как и появились, они ушли обратно во мрак. Спустя минуту их силуэты окончательно растворились в ночи за ржавыми остовами контейнеров.

Пастырь остался один. Его плащ промок насквозь, но он не чувствовал ни дождя, ни холода, ни усталости. Он стоял посреди порта, глядя на пустой ящик, на дне которого лежала последняя опустевшая коробка. Последний раз он дал этим измученным существам то, ради чего они приходили. Теперь он чувствовал холод – не телесный, а душевный, такой, что выедаст пустоту изнутри вымораживает саму надежду на жизнь.

Ржавая дверь контейнера со стоном закрылась. Скрежет и лязг металла мгновенно поглотила густая тьма порта. Тишина, нарушаемая лишь редкими стонами ветра, давила на уши, усиливая чувство абсолютного одиночества. Ощущение безысходности навалилось с такой силой, будто все грехи этого гниющего города разом обрушились ему на плечи.

Пастырь постоял у двери контейнера, чувствуя, как в его душе разрастается черная дыра – такая же холодная и пустая, как те коробки, запечатые за этой ржавой дверью.

Медленно, с усилием, будто собственные пальцы отказывались слушаться, он достал из внутреннего кармана защищенный коммуникатор.

Потрепанный корпус, покрытый царапинами, был артефактом старого мира – того, где еще существовали защита и безопасность. Этот прибор представлял собой не просто кусок пластика и микросхем. Он был тончайшей нитью, связывающей Пастыря с его старым другом, тем, кто мог помочь.

Пастырь набрал зашифрованное сообщение – свою безмолвную молитву, которую он повторял уже сотни раз.

Его пальцы выбили короткое, отточенное до механики: «Запас исчерпан. Жду новую партию». Символы проступили на тусклом экране. Он отправил сообщение в пустоту, в цифровой эфир, и замер, привычно ожидая подтверждения. Обычно ответ приходил в течение минуты, максимум двух.

Прошла минута. Две. Пять. Десять.

Тишина в ответ была оглушительной, давящей, она ощущалась как нарастающая угроза. Ледяной червь тревоги пополз вверх по позвоночнику Пастыря.

«Сбой в сети», – прошептал он сам себе, но это прозвучало неубедительно, слишком натянуто. Сердце забило в груди отчаянно и быстро как птица, пытающаяся вырваться из клетки. Ответа не было. Прежде такого не случалось.

Дрожащими пальцами он открыл лог поставок и нашел нужную строку – груз, который должен был прибыть еще вчера, двадцать четыре часа назад.

Напротив нужного контейнера горело одно слово: «Задерживается». Никаких уведомлений. Никаких объяснений. Просто слово, холодное и бездушное, как безразличие вселенной.

Он снова отправил сообщение, на этот раз с пометкой высшего приоритета, почти мольбой.

Тишина. Линия была мертва.

Его палец завис над экраном, а затем, словно движимый невидимой силой, обновил страницу с логом поставок. Статус изменился. Прямо на его глазах.

Слово «Задерживается» медленно угасало, как последние угли костра. Оно побледнело и исчезло, а на его месте, словно выжженное раскаленным металлом, вспыхнуло новое. «Отменено».

Воздух сгустился, каждый вдох резал легкие так, будто в них вливали расплавленный свинец. Отменено. Приговор. Отменено. Приговор. Слово-скальпель, беззвучно перерезавшее последнюю нить надежды.

Пастырь стоял один посреди этого кладбища цивилизации, глядя на экран. Устройство, которое было символом связи, стало надгробием его миссии.

Это был не сбой в системе. Что-то случилось. Связь прервана. Поставка отменена. Единственный, кто должен был помочь, исчез. И вместе с ним исчез и шанс.

Пастырь посмотрел в темноту, туда, куда ушла его паства. Он знал, что эти существа скоро вернуться, гонимые новой волной агонии. Знал, что ему будет уже нечего им предложить.

Пустой ящик. Пустые руки. Время вышло.

Глава 1: Заказ

Кислотный дождь барабанил по бронестеклу моего окна на девятнадцатом уровне. Струи, больше похожие на жидкий неон, стекали вниз, оставляя грязные разводы на панораме дряхлеющего мегаполиса. Лос-Анджелес, как гласили старые карты, теперь просто очередной муравейник, где сталь и плоть сплелись в уродливом симбиозе. С этой высоты город казался живым организмом, мерцающим тысячами огней, но при этом гниющим изнутри. Он был таким же, как и мои клиенты. Как и я сам.

Чужая боль снова вернулась.

Она накатывала волнами, я чувствовал спазмы, но они были не моими и походили на эхо. Послевкусие сегодняшней судебной верификации.

Женщина потеряла дочь в аварии на транспортной магистрали. Корпорация пыталась доказать, что ее горе – симуляция, сбой, алгоритмический сигнал в чипе эмпатии. Их мотив был бездушен и банально прост – они не хотели выплачивать страховую компенсацию.

Моя работа – копаться в чужой душе, отделять настоящие импульсы от синтетических. И я подтвердил ее правоту. Горе этой женщины было подлинным. Настолько, что его осколки застряли во мне как шрапнель.

Я закрыл глаза, но образ не исчезал. Я видел размытые черты лица маленькой девочки. Смех, который я никогда не слышал, вибрировал в гортани. Я чувствовал тепло крошечной ладонки в своей руке. Эти воспоминания не были моими, но ощущались так, будто я пережил их лично. Мой дар и проклятие.

Верификатор. Звучит солидно. На деле – мусорщик чужих эмоций. Я вдыхаю их скорбь, их страх, их ложь, а выдыхаю пустоту и цинизм. И деньги. Обычно небольшие.

– Аура, статус, – прохрипел я, не открывая глаз. Голос был чужим, севшим от усталости.

– Добрый вечер, Джейкоб, – отозвался бесплотный женский голос. Мягкий, как синтетический шелк. – Температура в помещении – двадцать два градуса. Влажность – сорок пять процентов. Уровень загрязнения воздуха снаружи – критический. Рекомендую не открывать окна в течение следующих двенадцати часов. На Вашем счету осталось четыреста семьдесят два кредита. Напоминаю, арендная плата будет списана через три дня.

Напоминание о балансе прозвучало как приговор. Последний гонорар покроет аренду, но оставит меня с пустым холодильником и дешевым виски. Я усмехнулся. Система никогда не проигрывает. Она дает ровно столько, чтобы ты мог продолжать работать и платить по счетам, но не больше. Никаких шансов вырваться.

Я побрел к бару, хромая на левую ногу. Еще одна фантомная боль. Отголосок страданий отставного солдата, чьи воспоминания я верифицировал два дня назад. Он потерял ногу при зачистке трущоб. Его списали по здоровью, обвинив в халатности.

Теперь его боль жила во мне, напоминая о том, что даже самые глубокие раны можно оцифровать и передать другому.

Я налил себе дешевой янтарной жидкости в стакан. Тихо звякнул лед. Первый глоток обжег горло, он принес минутное облегчение, смывая горечь чужой боли и заменяя ее на мою собственную.

Верификация – это искусство различать оттенки лжи. Искать невидимые улики. Подмечать тончайшие детали – микроэмоции и мимолетные движения, жить в чужих отпечатках сознания, как в своем собственном.

Это искусство видеть то, чего не видит никто, проживать то, что никто не хотел бы прожить.

Врут абсолютно все. Не только простые люди. Корпорации подделывают отчеты, политики – свои обещания, врачи – память пациентов, подменяя свое истинное безразличие мни-

мой заботой, инженер – отчет о качественно проделанной работе. А я сижу в этом кресле, подключенный к нейроинтерфейсу, и смотрю на синусоиды их души на мониторе. Я вижу правду, которую они прячут сами от себя.

Память о любви, оставшаяся от клиентки, которую бросил муж. Память о предательстве партнера по бизнесу, которого кинули, проведя без него крупную сделку. Память о страхе курьера, который доставлял нелегальный товар и попал в переделку с бандой с нижних уровней.

Все это оседает во мне, слой за слоем, как токсичная пыль на бесконечных улицах мегаполиса. Иногда мне кажется, что я давно стал коллекцией чужих трагедий. Ходячим мусорным ведром для уже никому не нужных, мертвых чувств.

– Аура, включи новости. Без звука, – распорядился я, делая еще один глоток.

На стене напротив ожило голографическое окно. Очередной лощеный диктор с идеальной улыбкой что-то рассказывал о вечной молодости и полном контроле над сновидениями. Они продают мечты, упакованные в красивую обертку. Но я вижу их изнанку – манипуляции, сбои, побочные эффекты.

Я отвернулся от экрана. Все это было фоновым шумом, бесконечной рекламой мира, в котором я не хотел жить, но откуда не мог сбежать. Я подошел к окну. Внизу, между небоскребами, проносились аэрокары, их огни расчерчивали сырую тьму. Где-то там, в этом хаосе, люди продолжали лгать, любить, убивать и отчаянно пытаться что-то почувствовать.

А я был их судьей и их исповедником. Проклятая работа, но другой у меня нет.

Мне нужен был новый клиент. Новое дело, которое позволит не думать о счетах хотя бы пару месяцев. Что-то простое. Неважно что именно, лишь бы это не оставило после себя очередной фантомной боли и еще одного набора ужаса и терзаний в моей душе.

Трель дверного звонка прозвучала резко, неуместно в этой тишине, прервав мою болезненную рефлексию о стремительной деградации человечества.

Я замер. Задумался. В такое время ко мне никто не приходит. Разве что пожаловал арендодатель с парой громил, но они обычно предупреждают заранее.

Этот звонок сразу вызвал тревогу. Я помнил, что поставил статус «офис закрыт». Еще звонок. Тот, кто стоял за дверью, прекрасно знал, что я дома.

Чужие голоса в голове стихли, будто кто-то убавил громкость, – осталось лишь знакомое предчувствие приближающихся неприятностей.

Я медленно поставил стакан на стол и подошел к двери.

На ярком голографическом экране на стене все еще шла беззвучная реклама «Киберон Системс», обещающая рай в цифровой упаковке. Я нажал на кнопку интеркома, активируя камеру. Изображение, возникшее на экране, было таким же неуместным в моем коридоре, как цветок, проросший сквозь бетон.

Она стояла там, идеальная, красивая, неподвижная. Женщина из другого мира. Дорогое пальто цвета ночного неба, светлые волосы, уложенные в безупречную прическу, у которой не было и шанса на существование в этой влажности нижнего города. Ее лицо было симметричным, спокойным, совершенным. Такие не ходят по девятнадцатому уровню. И не звонят в двери неудачников с практически нулевым балансом на счету.

Инстинкт кричал – не открывай.

Но инстинкт – это та роскошь, которую я себе уже не мог позволить. Четыреста семьдесят два кредита. Эта цифра горела в моем мозгу ярче неоновых вывесок за окном. Я нажал на кнопку, и дверь с тихим шипением отъехала в сторону.

Женщина вошла, и воздух в комнате изменился. С собой она принесла слабый, легкий, но яркий аромат дорогого парфюма, мгновенно создавший в офисе ощущение свежести, какая бывает после грозы в районном парке высших уровней. Он перебил дух виски и моего одино-

чества. Незнакомка не стала осматриваться, ее взгляд, холодный и ясный, как лед, остановился на мне. В нем не было ни страха, ни любопытства. Только цель.

– Джейкоб Касс? – ее голос был ровным, лишенным каких-либо эмоций, как у хорошо натренированной голосовой нейросети, но с едва уловимой живой вибрацией. Он не вязался с безупречной внешностью женщины.

В нем было что-то еще. То, что заставило мой внутренний анализатор споткнуться. Я привык видеть телеметрию чужой души – рваную, хаотичную, полную помех. Ее же сигнал был... идеальным. Безупречно ровная линия, абсолютное спокойствие – тон не человека, хорошо управляющего своими эмоциями, а механизма, у которого их просто нет. Мой внутренний алгоритм анализа микронапряжений вернул ноль. Ноль. Будто передо мной – манекен с идеально сшитыми эмоциями.

– Зависит от того, кто спрашивает, – ответил я, скрестив руки на груди. Я старался казаться тверже, чем чувствовал себя на самом деле. Фантомная боль в ноге снова напомнила о себе тупым уколom.

– Меня зовут Эвелин Вольф. Мне нужна ваша помощь, – сказала она, слегка улыбнувшись, и протянула мне руку.

Я кивнул и, стараясь скрыть охватившее меня волнение, указал на одно из кресел, стоящих возле стола. Я жестом предложил ей присесть, а затем обошел стол и опустился в свое кресло, стараясь сохранить невозмутимый вид. Гостья не стала садиться, она осталась стоять, будто мебель в моем офисе была ее недостойна.

Женщина говорила так, словно не просила, а сообщала факты. Так, словно моя помощь уже лежала у нее в кармане. Я промолчал, приглашая ее продолжить. Она прошла в центр комнаты, ее движения были плавными, выверенными – ни одного лишнего жеста.

– Мой отец пропал, – сказала она так же ровно. – Его зовут Ариман Вольф. Он главный биоинженер в «Киберон Системс». Он не выходит на связь уже тридцать шесть часов. Его личная служба безопасности не нашла никаких следов. Полиция неэффективна. Типичный госоператор низкого приоритета. Их SLA по таким делам – ниже плинтуса.

Я усмехнулся. «Киберон Системс». Корпорация, реклама которой крутилась у меня на стене минуту назад. У нее свои законы и своя армия. Если служба безопасности «Киберон Системс» ничего не нашла, то либо она плохо искала, либо доктор Вольф не хочет, чтобы его нашли. А может, его и вовсе не стоит искать.

– А я-то здесь причем? Я занимаюсь верификацией, а не розыском пропавших людей. Я не детектив, мисс Вольф.

– Вы правы, мистер Касс, сейчас Вы не детектив. Я осведомлена о Вашем текущем роде занятий. Сочувствую. Непростая работенка, – она слегка скривилась, пытаясь изобразить искреннее сочувствие, но вышло не очень. – Но, я знаю, что Вы были детективом. Не так ли?

– Откуда Вы...? – начал я, растерявшись от неожиданности. – Хотя... впрочем, это не важно. Это было давно. – Я отмахнулся, отгоняя от себя старые, давно забытые воспоминания.

– У «Киберона» есть свои ищейки, мисс Вольф. Гораздо лучше и эффективнее меня. Почему вы пришли сюда? На девятнадцатый уровень? В этот... офис.

Я машинально обвел взглядом стены своего потрепанного офиса. Она проследила за моим взглядом, и на ее идеальном лице не дрогнул ни один мускул. Ее не волновало окружающее убранство – только дело и результат.

– Потому что внутреннее корпоративное расследование привлечет ненужное внимание. Работа моего отца была... э... деликатной. Мне нужен человек, умеющий находить то, что не лежит на поверхности. Умеющий работать тихо. И Вы, как меня заверили, именно тот, кто мне нужен, к тому же Вы не задаете лишних вопросов. Когда цена правильная, разумеется.

Последняя фраза прозвучала как удар. Она знала обо мне больше, чем мне бы хотелось. Она знала обо мне достаточно, включая мою историю и репутацию. Она пришла подготовленной. Это переставало быть просто странным визитом. Это начинало походить на ловушку

– Я не ишу пропавших людей. Я копаюсь в воспоминаниях. Проверяю правду. Моя работа – сидеть в этом кресле, а не бегать по городу, рискуя головой.

– Это и есть верификация, мистер Касс. Самая важная. Нужно найти правду о том, куда он исчез. Я полагаю, ответ скрыт в его работе, в его данных. Это ваша специализация – отделять факты от цифрового шума.

Она была хороша. Очень хороша. Логика этой женщины оказалась безупречной, как и ее лицо. Но я уже видел достаточно безупречных фасадов, чтобы знать, какая гниль скрывается за ними. Я собирался отказаться. Вежливо, но твердо. Просто скажу, что это не мой профиль, и провожу ее до двери.

И тогда она назвала цену.

– Сто... Тысяч... Кредитов... Десять авансом, прямо сейчас. Остальные – когда найдете моего отца или получите неопровержимые доказательства того, что с ним случилось.

Воздух вышел из моих легких. Сто тысяч. Эта сумма звучала как пароль от другой жизни. Жизни, где нет долгов за аренду, нет дешевого виски, нет страха перед завтрашним днем. На эти деньги можно купить билет наверх. Пусть не на самый верх, но по крайней мере, мне хватит на то, чтобы перебраться на сороковой уровень, где я смогу дышать приличным воздухом.

Молчание затянулось.

Я смотрел на нее, а видел цифры на своем счету. 472. А в голове снова и снова звучали слова: Сто... Тысяч... Кредитов... Пропасть между этой суммой и средствами, которыми я располагал, была размером с мою жизнь. Мой цинизм, моя усталость, мое предчувствие беды – все это сжалось, стало маленьким и незначительным перед лицом этих денег. Она видела это. Она все видела.

– Согласен, – выдохнул я. Слово прозвучало чужим.

Она кивнула. Снова ни тени эмоций. Просто констатация факта. Эвелин Вольф достала из кармана изящный мобильный коммуникатор, похожий на произведение искусства, и набрала несколько команд. В ту же секунду мой личный терминал на столе радостно пискнул, подтверждая входящий перевод. Десять тысяч кредитов. Просто так. Мое сердце пропустило удар.

– Это аванс, – сказала Эвелин. – А это, – продолжила она, доставая из другого кармана тонкую черную металлическую информационную пластину. – Ключ доступа к частной лаборатории моего отца на шестьдесят втором уровне.

Пропуск на верхние уровни и разрешение на пребывание Вам пришлет моя помощница. Можете начать оттуда. Его квартира и офис в башне «Киберон» опечатаны службой безопасности. Лаборатория – единственное место, куда у них пока нет доступа. У вас есть сорок восемь часов, прежде чем они его получат. Я буду на связи.

Она положила тончайший, черный как ночь, прямоугольник на край стола. Холодный металл коснулся пыльной поверхности.

Не сказав больше ни слова, Эвелин развернулась и бесшумно вышла. Дверь за ней закрылась, и я остался один. Но комната уже не была прежней. В воздухе все еще разливался запах ее духов. Я медленно подошел к столу и посмотрел на экран терминала. Цифры не врал. Десять тысяч четыреста семьдесят два кредита. Я чувствовал себя богачом. По крайней мере, здесь и сейчас.

Я взял пластину. Холодная, гладкая. Ключ – не только к лаборатории, но и к ящику Пандоры, который я согласился открыть. Чувство тревоги вернулось, острое и холодное как скальпель. Я продал себя, не зная покупателя.

За окном переливались разноцветные неоновые огни бескрайнего и безразличного города. Доктор Ариман Вольф был где-то там, живой или мертвый. И теперь тайна его местонахождения стала моей заботой. За сто тысяч кредитов.

Глава 2: Работа принята

Здание частной лаборатории Вольфа возвышалось монолитом из стекла и стали – корпоративный шпиль, затерянный среди роскоши и искусственных заповедников верхних уровней.

В холле не было ни души, лишь безмолвные сервисные дроны методично полировали и без того идеальный пол. Голос из скрытого динамика, вежливый и бесплотный, попросил меня приложить инфопластину к сканеру. Я подчинился. Зеленый огонек вспыхнул, и турникет бесшумно отъехал в сторону. Лифт заскользил на нужный уровень в мертвой тишине, нарушаемой лишь гулом крови в моих висках.

Коридор оказался таким же стерильным и пустым. Дверь с табличкой «42—7Б» ничем не выделялась среди прочих. Я снова приложил инфопластину. Замок щелкнул, издав тихий электронный звук, и дверь отъехала в стену, открывая вид на царство белого пластика и хромированной стали. Я вошел внутрь.

В нос ударил запах антисептика – резкий, химический и такой сильный, будто с его помощью выжигали не грязь, а само присутствие жизни. Воспоминание об аромате духов Эвелин показалось чем-то далеким и почти нереальным.

Лаборатория была пуста. Идеально пуста.

Я ожидал увидеть следы, неважно какие – следы спешного бегства, борьбы, работы, хоть какой-то беспорядок. Но здесь царила хирургическая чистота. Передо мной были пустые рабочие столы без единой пылинки и выключенные мониторы терминалов, экраны которых зияли черной пустотой. Ни разбросанных инструментов, ни забытых колб, ни случайной записки.

Я не увидел ничего, что могло бы намекнуть на характер или привычки хозяина.

Здесь тщательно прибрались. Нет. Это была даже не уборка, а комплексная зачистка. Работа профессионалов: холодная и безупречная, полная стерильность.

Я подошел к главному терминалу – массивному блоку, встроенному в центральную консоль. Мои пальцы оставили едва заметные отпечатки на безупречной поверхности. Я включил его. Система отказалась загружаться, все накопители были отформатированы. Не просто очищены – выжжены низкоуровневым форматированием так, что не осталось даже цифрового эха удаленных файлов. Я проверил еще два терминала. Результат оказался таким же. Призраки данных, которые я так привык вытаскивать на свет, здесь были мертвы окончательно. Я почувствовал, как изнутри поднимается волна разочарования и смешивается с растущей тревогой.

Полная стерильность.

По опыту я знал, что даже самые лучшие зачистки оставляют следы. Цифровые тени, остаточные сигнатуры в сети, фантомные пакеты данных. Я вытащил из кармана свой портативный сканер и подключил его к сетевому порту в стене. Пусть терминалы мертвы, но сеть-то должна была что-то помнить.

Я запустил глубокое сканирование и принялся отслеживать и выискивать все пакеты, проходившие через этот узел за последние несколько дней. Результат оказался удручающим. Логи были подчищены. Кто-то очень аккуратно вырезал из истории сети целый кусок времени, совпадающий с исчезновением Вольфа.

Достав комм-устройство я набрал номер Эвелин.

– Касс? – ее голос был таким же ровным и холодным, как и при встрече.

– Плохие новости. Лаборатория полностью вычищена. До блеска. Как будто здесь никогда никого и не было. Профессиональная работа. Это могли быть Ваши ребята? Из службы безопасности «Киберона»?

На том конце провода повисла пауза. Достаточно долгая, чтобы я понял – она не ожидала моего звонка так скоро. Или не ожидала такого вопроса.

– Как я и говорила, у них не было туда доступа, мистер Касс. И нет до сих пор. Значит, это сделал кто-то другой. Или сам отец. Это меняет дело?

– Это значит, что я ищу не человека, а призрака, который умеет замечать следы лучше любого специалиста. Ну, или за которым прибирается кто-то другой. В любом случае это меняет дело, и это стоит дороже, мисс Вольф.

Я блефовал. Но мне нужно было понять ее реакцию. Она снова помолчала.

– Найдите его следы, мистер Касс. Любые улики, факты, зацепки. Мы заключили контракт. Я предложила щедрую сумму, и очевидно не за то, чтобы Вам было легко раскрыть дело. Цена та же. У вас сорок часов. Попробуйте не потратить их на бессмысленные слова.

Она отключилась.

Я убрал комм, ощутив, как по спине пробежал холодок. Она не стала торговаться и не удивилась. Она знала. Она знала, что лаборатория пуста. Этот визит был не поиском улик, а тестом. Моим тестом. Смогу ли я найти то, что лежит не на поверхности? Я снова обвел взглядом стерильное помещение. Все это походило на вызов, на насмешку. Кто-то хотел, чтобы я пришел сюда и увидел именно это – идеальную пустоту. Но зачем?

Я перестал думать как детектив, и начал думать как верификатор. Но лаборатория упорно молчала. Ее будто обнулили даже на эмпатическом уровне. Обычно в местах, где люди работали, творили, испытывали страхи, всегда оставалось эхо – фон чужих чувств и эмоций.

Здесь не было ничего. Ни тени событий, ни намек на присутствие Вольфа и его команды. Ни единого отголоска озарений или холодной сосредоточенности тех, кто проводил зачистку. Словно само пространство прошло верификацию и обнулилось, так, будто здесь никто никогда не работал. Это пугало сильнее, чем мертвые накопители и следы, стертые антисептиками.

– Черт, Профессор. Куда же ты вляпался? – пробормотал я в пустоту.

Мой взгляд скользил по гладким стенам, по стыкам панелей, по вентиляционным решеткам. Все было безупречно. Слишком безупречно.

И тут я заметил... В углу комнаты, за стойкой с пустыми держателями для оборудования, находилась небольшая распределительная панель. Она была закрыта, и цвет пластика идеально совпадал со стеной. В отличие от всего остального в этой комнате, на ней остались едва заметные следы пыли. Но дело было не только в ней.

Здесь, у панели, я почувствовал то, чего не ощущал во всей остальной лаборатории – остаточный след. Не страх. Не паника. Холодная, острая как игла, эмоция – целеустремленность. Тот, кто установил это устройство, был предельно собран. Он четко придерживался плана.

Мои пальцы нащупали крошечный зазор. Подцепив крышку ногтем, я открыл ее. Внутри, среди спутанных оптоволоконных кабелей, горел одинокий синий светодиод. Провода от него шли к небольшому экранированному блоку, совсем не похожему на стандартное сетевое оборудование. Это был удаленный передатчик, подключенный напрямую к магистральному кабелю, в обход всех локальных систем. Он не логировал свою активность в общую сеть, поэтому зачистка его и пропустила. Этот передатчик отправлял данные куда-то вовне. Или принимал.

Я подключил свой коммуникатор напрямую к устройству. На нем стояла защита, но весьма примитивная. Пароль был простым шестизначным числом. Дата рождения? Годовщина? Я попробовал несколько комбинаций, связанных с Вольфом, но безуспешно. Остановившись, я задумался. Пароль должен быть простым. Я запустил отладчик и попробовал подобрать пароль при помощи старого доброго «Брут форса».

Через пять минут отладчик подсветил третий и пятый символы: «Е» и «У». И тут меня осенило.

«Черт, как же я сразу не понял? Я ищу не только профессора. Я ищу отца».

Я отключил программу подбора, и ввел пароль «EVELYN». Система поддалась.

На экране моего коммуникатора появилась строка – один единственный файл журнала доступа. Большая часть данных была повреждена или зашифрована, но одна запись уцелела.

[timestamp: 48:17:03 ago] [user_id: AMIR FARHAD] [status: connection_terminated]

Фархад. Чужое слово, резкое и острое как осколок стекла в этой стерильной тишине.

Оно ничего мне не говорило. Немецкая фамилия Вольфа и это восточное имя никак не связывались воедино. Но больше у меня ничего не было – только эта единственная ниточка, торчащая из идеально гладкого савана, которым укрыли тайну доктора Вольфа. Я скопировал лог на защищенный носитель и стер его с передатчика. Затем аккуратно закрыл панель. Теперь и здесь ничего не осталось. Только пустота.

Не оглядываясь, я покинул лабораторию. Холодный воздух шестьдесят второго уровня больше не казался чистым. Он пах заговором. Спускаясь на Маглеве обратно в свой ад, я смотрел на инфопластину в руке. Десять тысяч кредитов больше не выглядели спасением – лишь первым взносом за билет в один конец. Куда – я пока не знал. Но я знал имя своего проводника. Фархад.

Воздух в моем офисе все еще хранил призрачный аромат дорогого парфюма Эвелин, но теперь к нему примешивался запах страха. Моего страха.

Я нашел единственную зацепку, буквально вырвал ее из стерильного кокона лжи, и теперь понятия не имел, что с ней делать. Официальные каналы были закрыты.

Запрос по базам данных с моего терминала на имя, связанное с главным биоинженером «Киберон Системс», поднял бы тревогу быстрее, чем пожарная сирена в детском саду.

Мне был нужен кто-то, кто живет в тени и торгует информацией, как другие торгуют синтетическими наркотиками.

Мне был нужен Ригтс.

Глава 3: Первый след

Сержант Фермонт Риггс. Мой бывший коллега и мой самый грязный секрет. Ржавый, но незаменимый инструмент, который я держал про запас на самый крайний случай. Тот самый инструмент, к которому обращаются с огромной неохотой.

Фермонт Риггс – ходячее воплощение всего, что прогнило в этом городе: продажный «коп», ленивый, неприлично жадный, но зато с доступом к полицейским сетям. И у него есть цена. Я бросил взгляд на баланс своего счета. Десять тысяч кредитов. Часть из них скоро сменит владельца.

– Черт бы тебя побрал, Касс, – раздался хриплый голос Риггса из динамика комма, когда я, наконец, дозвонился до него. На заднем плане слышался гул спорт бара и чей-то пьяный смех. – Я на дежурстве.

– Твое «дежурство» пахнет дешевым пивом и проигрышной ставкой, Риггс. Мне нужна информация. Срочно.

– Информация стоит денег. Срочная информация стоит больших денег. А информация для тебя, Касс, после того, как тебя поперли из органов, стоит целое состояние. Ты стал токсичным активом, приятель. – С наигранной деловитостью лениво процедил Риггс.

– У меня есть твое «состояние», – отрезал я. – Бар «Последняя капля» на двадцать третьем. Через час. Не опаздывай. – Я отключился, не дожидаясь ответа.

«Последняя капля» была идеальным местом. Достаточно людным, чтобы затеряться среди посетителей, и достаточно грязным, чтобы никто не задавал вопросов. Дыра, где воздух давно пропитался алкоголем, потом и отчаянием. Неоновая вывеска над входом мигала, теряя буквы, и обещала только забвение в стакане.

Я сел за липкий столик в самом темном углу, заказал стакан того же пойла, что пил у себя в офисе, и стал ждать, изучая публику.

Мой взгляд, годами натренированный выискивать аномалии, зацепился за фигуру у стойки бара. Ничем не примечательный мужчина слишком старательно изображал местного, но некоторые нюансы выдавали в нем чужака. Его кожа имела едва уловимый оттенок – чуть темнее обычного, будто привыкла к солнцу, которого здесь никогда не было. К тому же он не пил.

Я смотрел за ним внимательно. Он постоянно пялился в свой терминал и дважды проигнорировал дружелюбные реплики бармена, будто не замечая его. Никто не приходит в насквозь пропитый бар, чтобы не пить. И не садится за стойку бара, чтобы игнорировать бармена. Он здесь не отдыхал. Он работал.

Время стало вязким как густой сироп. В каждом перезвоне стаканов отзывалось эхо лаборатории Вольфа.

Я попытался сконцентрироваться на деле. И чем больше я размышлял, тем сильнее мне казалось, что эту тонкую ниточку, имя «Амир Фархад», мне подбросили намеренно. Я не мог объяснить себе причину этого чувства и природу его происхождения, но оно вызывало тревожный зуд в моем подсознании. Все было слишком гладко, хотя, может мне просто повезло. Так тоже бывало не раз.

Риггс, разумеется, опоздал. Он ввалился в бар как грузное животное, сбившееся с пути. Его форменная куртка была расстегнута, на серой рубашке красовалось пятно пота. Лицо Риггса лоснилось от жира, а маленькие глазки бегали по сторонам, оценивая обстановку. Он был похож на хищную свинью, выискивающую трюфель в мусорном баке. Заметив меня, Риггс тяжело плюхнулся на стул напротив, который жалобно скрипнул под его весом. От него заметно тянуло перегаром.

– Касс. Всегда рад видеть твою кислую физиономию.

– Привет, Риггс. Что нового в доблестных правоохранительных органах?

– Ничего, что должно тебя волновать, – буркнул он, жадно глядя на мой стакан.

Риггс поднял руку и щелкнул пальцами, обращаясь к бармену. – Мне того же. Двойную порцию. За счет этого джентльмена, – он ткнул в меня толстым пальцем.

– Так что у тебя за пожар? Надеюсь, дело стоящее. Ты оторвал меня от очень важного занятия.

– Видел я твое «занятие». Как раз по дороге сюда. Оно валялось в сточной канаве и просило милостыню, – съязвил я в ответ.

– Даже не начинай, Касс. Выкладывай, чего ты хочешь, – отрезал Риггс, он был явно не в духе.

– Мне нужно пробить одно имя. Тихо и быстро. Никаких официальных запросов. Только прямой доступ к архивам.

Отхлебнув из своего стакана, Риггс скривился. Дешевый алкоголь его не смущал. Его смущала работа, особенно та, которую он должен был сделать для меня.

– Имя? Всего лишь имя? Ты вытащил меня с дежурства ради имени? Это должно быть чертовски важное имя, Касс. Надеюсь, это не связано с делом «Киберона»? Иначе я зря сюда приперся.

Новости и слухи в этом городе распространялись быстрее вируса.

– А что там за дело «Киберона»? – спокойно, но все же слишком резко, спросил я. Мне стоило больших усилий подавить нахлынувшие на меня любопытство и удивление.

– Да ерунда какая-то. Последние сутки куча народа крутится вокруг пропажи какого-то там важного профессора.

– Вижу, тебя это явно напрягает, – старательно имитируя безразличие, продолжил я.

– Немного. Я стараюсь держаться подальше от подобного дерьма. По этому делу сейчас сам комиссар Редфорд землю роет. Лично. А когда Редфорд роет, под микроскоп попадают все, особенно такие, как я. Так что, если ты в этом замешан, я сваливаю.

– Нет, не замешан, можешь расслабиться, – соврал я. – Меня интересует другое. Мне нужен человек по имени Фархад. Амир Фархад. – Я подвинул к нему свой коммуникатор с открытым экраном.

Риггс посмотрел на экран. Он задумался, что-то прикидывая и оценивая.

– Ладно. Две тысячи, Касс. И прямо сейчас, – его голос стал серьезным.

– Тысяча, – я перевел деньги. Его браслет завибрировал.

– Две, Касс, – упрямо повторил он, его пальцы нервно дрожали. – Это не жадность. – Он похлопал себя по мясистому боку и пояснил. – «Киберон-Дженерикс». Искусственная поджелудочная. Если я пропущу ежемесячный платеж, эта дрянь просто перестанет работать. И все – кома, отказ органов. Твои две тысячи – это еще год жизни. Год, Касс!

– Это не моя проблема, Риггс, – отрезал я, уже понимая, что он не отступит. Придется выложить больше.

– Нет, братец, твоя. Не будь мне нужны бабки, я бы уже встал и ушел отсюда. Ты мне соврал. Я знаю это имя. Оно фигурирует в личном деле пропавшего профессора. Учитывая, что Редфорд лично ищет этого Вольфа, а по барам шляются типы вроде того, у стойки, – он незаметно дернул подбородком, – цена вполне честная.

Я молча перевел ему вторую тысячу. Выбора не было.

В этот момент дверь бара с шипением открылась. Внутрь вошли двое патрульных в тяжелой броне. Риггс мгновенно спрятал свой планшет, его лицо приняло скучающее выражение. Патрульные медленно прошли вдоль зала, их оптика сканировала лица. Проходя мимо нашего столика, один из них кивнул Риггсу.

– Сержант, – голос из вокодера был лишен интонаций.

– А, парни, привет, – лениво махнул рукой Риггс, играя свою роль. – Все спокойно. Я тут смотрю за порядком, – подмигнув патрульному, пошутил он.

Патрульные прошли дальше, и вскоре вышли из бара.

– Вот видишь, Касс? – впившись в меня своими пороссячьими глазками, выдохнул Риггс. – Я же говорю, мы все под колпаком, одно неосторожное действие и ты в заднице.

– Тогда копай глубоко, но осторожно. Твоя шкура – это твоя проблема. Я плачу за результат, а не за твои страхи. Мне нужно все, что у тебя есть. Адреса, связи, род занятий. Все.

Он недоволен что-то проворчал себе под нос, но принялся за работу. Пальцы Риггса, толстые как сосиски, забегали по сенсорному экрану. Он что-то бормотал, ругался, вводил команды, обходя какие-то протоколы защиты. Я молча ждал, наблюдая за каплями конденсата, стекающими по моему стакану. Наконец, он поднял на меня глаза. Выражение его лица было странным. Смесь облегчения и разочарования.

– Ну что ж, Касс, можешь расслабиться. Твой парень не доставит никому никаких хлопот. Он мертв.

Его слова повисли в воздухе, обжигая холодом. Мертв. Это было слишком просто. Защищенная лаборатория и мертвый свидетель. Концы в воду. Кто-то очень постарался.

– Как умер? Когда?

– Несчастный случай на производстве. По крайней мере, так сказано в отчете. Около полугода назад. Амир Фархад, сорок восемь лет. Биоинженер. Работал в «Киберон Системс». Был лучшим учеником в команде Вольфа, как тут пишут. Похоже, твой поезд ушел, Касс. Дело закрыто. Так что с тебя еще тысяча. За сэкономленное время.

Он протянул руку, но я проигнорировал его жест. Мой мозг лихорадочно работал. Мертв. Это ничего не меняло. Наоборот, это делало все еще более подозрительным. Кто-то спрятал в лаборатории Вольфа передатчик, который вел к имени мертвого человека. Это было не похоже на попытку замести следы. Это было похоже на приглашение.

– Мне нужно место. Где он похоронен? – мой голос прозвучал глухо.

Риггс убрал руку, его лицо снова скривилось в недовольной гримасе. Он явно не ожидал того, что я буду копать дальше.

– Зачем тебе могила мертвого инженера? Оставь это, Касс. Ты лезешь в осиное гнездо. Вольф, «Киберон»... это не твой уровень. Возьми свои деньги и заляг на дно.

– Риггс. Место.

Я посмотрел ему прямо в глаза. Он выдерживал мой взгляд пару секунд, а затем сдался. Вздыхнув, он снова устался в свой планшет. Он понимал, что спорить бесполезно.

– Ладно, твоя жизнь – твои проблемы, – пробормотал он. – Его кремировали. Прах в колумбарии «Тихая Пристань» на тридцать пятом. Сектор «Альфа», ячейка тысяча девятьсот восемьдесят четыре. Информация отправлена на твой коммуникатор. И будь добр, сделай вид, что мы не встречались.

Он отключил планшет и жадно допил остатки своего напитка. Потом удовлетворенно хмыкнул, поднялся и, не прощаясь, молча двинулся к выходу, расталкивая посетителей.

Оставшись один, я посмотрел на координаты на экране своего коммуникатора. «Тихая Пристань».

Наблюдатель у стойки ожил. Он тоже поднялся, бросил на стойку несколько кредитов и вышел следом за Риггсом, даже не взглянув в мою сторону.

Какая ирония. Для Фархада там не было ничего тихого. Для меня – тоже. Этот мертвец стал моей самой живой уликой.

Глава 4: Тихая пристань

Тридцать пятый уровень встретил меня запахом забвения, влаги и легким привкусом пыли. Воздух здесь был лучше, чем в моем секторе, пропущенный через промышленные фильтры и кондиционеры, но лишенный жизни. Мертвая атмосфера очень подходила этому месту.

Колумбарий «Тихая Пристань» занимал целый городской блок. Это было уходящее в туманное небо здание из серого полированного бетона с окнами – миллионами одинаковых темных ниш. Вечное напоминание о том, что в этом городе даже смерть поставлена на конвейер и даже среди мертвецов есть своя вертикальная иерархия.

Внутри царила библиотечная тишина, нарушаемая лишь тихим гудением систем жизнеобеспечения и едва слышным шелестом сервисных дронов, похожих на скользящих по полу и стенам плоских металлических скатов. Никаких людей. Смерть здесь была делом автоматизированным.

– Добро пожаловать в «Тихую Пристань», – прошепел безликий голос из скрытого динамика. – Место вечного покоя. Укажите имя или номер ячейки для навигации.

Я проигнорировал его, направившись к инфо-панели на стене. Сектор Альфа. Ячейка 1984.

План на экране подсветил нужный коридор. Длинный, бесконечный, как тоннель в никуда, с рядами ячеек, уходящими вверх и вдаль за пределы видимости. Плиты из того же серого материала с выгравированными номерами закрывали ячейки – безликие, как и жизни тех, кто закончил свой путь здесь.

Я шел по тоннелю, и стук моих ботинок по гладкому полу звучал кошунственно в этой тишине. «Тихая пристань» давила своей однообразностью, своим безупречным порядком. Здесь не было места шуму, только покой.

Каждый шаг отдавался в ушах, усиливая напряжение. Я ощущал себя чужеродным элементом, вирусом в стерильной системе. Весь воздух здесь гудел отголосками тысяч прощаний, это был тусклый, выцветший фон скорби, который я научился игнорировать. Но по мере приближения к нужному сектору я почувствовал аномалию. Эмоциональный фон менялся.

Я нашел ее в дальнем конце коридора, в наименее освещенной его части. Ничем не примечательная плита располагалась примерно на уровне моей груди. Ячейка 1984. Число, ставшее когда-то синонимом тотального контроля, здесь было лишь порядковым номером в каталоге смерти.

Подойдя к ячейке, я почувствовал, как мое тонкое ощущение скорби внезапно исчезло полностью, словно его отрезало помехами. Здесь не было горя. Вообще. Только холодная, острая, как скальпель, нота целеустремленности. Словно тот, кто оставил здесь урну, не прощался, а выполнял приказ. Чутье верификатора подсказывало, что это не совсем могила. Это тайник.

Табличка была такой же, как и все остальные. «Амир Фархад». Годы жизни. Ни фотографии, ни эпитафии. Просто констатация факта. Родился. Жил. Умер.

– Ну что, Фархад, – прошептал я, обращаясь к холодному металлу. Привел ты меня в свой последний приют. Надеюсь, не зря.

Осмотревшись вокруг, я убедился, что коридор пуст, а дрон-уборщик, наконец-то, скрылся за поворотом. Время поджимало.

Я достал из кармана свой старый, потрепанный временем, гаджет – небольшой электромагнитный ключ с набором алгоритмов, эдакая цифровая отмычка. Наследие прошлой жизни. Приложив его к краю плиты, где должен был находиться замок, я активировал устройство.

Тихий гул наполнил воздух. Секунда, другая. Ничего. Защита оказалась сильнее, чем я ожидал.

Конечно. Даже после смерти, свои «скелеты» лучше хранить понадежнее. Я попробовал другой режим, запустив циклический перебор частот. Эффективно, но рискованно. Это могло активировать тихую тревогу.

– Ну же, давай, – прошептал я сквозь зубы. Фантомная боль в ноге снова напомнила о себе, резкая и злая. Я стиснул зубы. Пот выступил на лбу.

Наконец, раздался едва слышный щелчок. Победа. Я быстро убрал отмычку и осторожно потянул дверцу на себя. Она откинулась вниз, превратившись в импровизированный столик.

Я заглянул внутрь. Там, в центре, стояла простая керамическая урна белого цвета. Без украшений, без надписей. Стандартная модель «Вечность-3Б». Дешево и сердито.

Осторожно, двумя руками, я извлек ее из ниши. Сердце забилось чаще, будто в кровь впрыснули хорошую дозу адреналина.

Я поставил урну на край ниши и внимательно осмотрел ее со всех сторон. Гладкая, холодная керамика без единого изъяна. Никаких швов, кнопок или замаскированных панелей. Я провел пальцами по крышке, поддел ее ногтем.

Крышка легко открылась, явив моему взору содержимое – однородную массу мелкого серого праха. Я посветил внутрь. Ничего. Просто пепел.

Разочарование подступило снова. Неужели это все? Неужели Фархад не оставил ничего, кроме своего праха? Я с глухим стуком закрыл крышку и, поддавшись последнему порыву, перевернул урну, чтобы осмотреть клеймо производителя на дне.

И в этот момент я услышал.

Тихий, отчетливый стук. Внутри. Будто что-то легкое, но твердое, ударилось о керамическую стенку. Это был не мягкий шорох праха. Это был звук инородного предмета, которого там быть не должно.

Я замер на секунду, а потом медленно перевернул урну обратно. Мои движения стали выверенными и точными. Я снова открыл крышку. Запах пыли и легкой нотки не до конца выветрившейся гари ударил в нос. На мгновение я заколебался. Это было кошунством, чертой, которую я никогда не пересекал. Но выбора у меня не осталось.

Я погрузил руку в урну. Прах был сухим и неожиданно шелковистым, как мелкий песок. Он просачивался сквозь пальцы, покрывая мою руку серым налетом. Медленно, методично я просеивал содержимое, пытаясь нащупать что-нибудь твердое, хоть что-то, кроме пепла. Безуспешно. Горлышко урны было довольно узким и мои пальцы не пролезали достаточно глубоко.

Я вынул руку, стряхнул с ладони и пальцев прилипшие частички праха, и взял урну двумя руками, осторожно наклоняя ее на бок.

Серая, безжизненная пыль медленно сыпалась на крышку ячейки, образуя аккуратный холмик. Я высыпал около половины, когда мои нервы сдали. Я начал трясти урну, и прах сыпался быстрее. Я смотрел на растущую кучку с отчаянной сосредоточенностью, игнорируя мысли об этичности своих действий.

И вот, когда урна была уже почти пуста, с последней порцией пепла из нее выпало нечто маленькое, твердое и легкое.

Оно беззвучно приземлилось на вершину серого холмика, подняв маленькое облачко пепла. Неизвестный артефакт казался ослепительно белым на сером бархате праха.

Яркий, миниатюрный, идеальной формы лепесток, похожий на нераспустившийся бутон лилии. Я протянул руку и осторожно, двумя пальцами, поднял свою находку. Лепесток был гладким и прохладным. Идеальная, тонкая работа. Я никогда не видел ничего подобного. Вещица казалась такой красивой и совершенно неуместной в этом царстве смерти и бетона. Это было послание. Записка в бутылке, брошенная в океан забвения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.